

**Дмитрий
Черкасов™**
**Андрей
Воробьев**

На Бейкер-стрит хорошая погода,
или Приключения
весёлых мусоров

Bonus!
Полное собрание
комиксов
«Реглан
Лес
братцы»

Приключения веселых мусоров

Дмитрий Черкасов

**На Бейкер-стрит хорошая
погода, или Приключения
веселых мусоров**

Черкасов Д.

На Бейкер-стрит хорошая погода, или Приключения веселых мусоров / Д. Черкасов — — (Приключения веселых мусоров)

Криминальный мир Лондона трепещет! Питерские менты, достойно отметив у себя в «убойном» отделе праздник очередной получки, высаживают десант на берега Темзы. Только почему-то они попадают не в современную Англию, а в Англию времен Шерлока Холмса. А в это время в Питере Дмитрий Черкасов ставит перед оставшимися в меньшинстве «убойщиками» из N-ского РУВД неразрешимую задачу: пить или не пить...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дмитрий ЧЕРКАСОВ и Андрей ВОРОБЬЕВ НА БЕЙКЕР-СТРИТ ОПЯТЬ ХОРОШАЯ ПОГОДА, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВЕСЕЛЫХ МУСОРОВ

Глава 1 НУ, НИ ФИГА СЕБЕ, ПЕЛЬМЕШКА...

А как славно все начиналось!..

«День мента» 20 ...ря 2... года (попросту говоря, выдача очередной зарплаты в «убойном» отделе районного отдела милиции) состоялся-таки вовремя. Конечно, в любом празднике главное – не просто начать, как говаривал один из наших президентов, а еще углубить, усугубить и далее по списку.

Вот с этого-то «углубить» все и закрутилось.

Когда сосредоточенный Дукалис в очередной раз засунул свою пухлую руку в сейф, то сумел извлечь наружу под укоризненными взглядами товарищей всего лишь одну жалкую поллитровку, да и то – с плескавшимися на самом доньшке ста граммами живительной влаги.

– Послушай, Толян. – Капитан Казанцев, которого все обычно называли просто и ласково – Казанова, не выдержал угрызений совести товарища и вмешался в процесс осмысления ужасного события. – У меня в кабинете среди вещдоков где-то пипетка завалилась. Ты погоди немного, сейчас принесу...

– Из пипетки можешь своих свидетельниц отпаивать, – не оценил предложения хмурый Дукалис и с надеждой глянул на капитана. – Лучше бы организовал культпоход до ближайшего магазина...

Но, услышав такое предложение, Казанова возмущенно засопел, заявив, что он уже давно не мальчик, чтобы за водкой бегать. Кроме того, инициатива, дескать, наказуема. И не только в армии, но и на флоте, в ФСБ и даже в службе охраны президента. А в МВД и подавно. Поэтому, если уж никто не хочет пострадать ради коллектива добровольно, то вопрос можно решить с помощью вытягивания спичек.

Спички тут же нашлись, и Анатолию, тянувшему первым, досталась короткая. Сегодня ему явно не везло.

– Нет, это нечестно, – активно протестовал он, – кабинет мой, за водкой я уже бегал. Лучше, кто первый сюда постучит – тому и бежать.

В этот критический момент в расхлябанном замке на двери кабинета подозрительно осторожно заскрежетал ключ, затем дверь распахнулась и на пороге показался слегка запыхавшийся Ларин.

– Ну что, не ждали? Наливай!..

– Ждали, Андрюша, ждали! Как не ждать! – радостно закивал головой мгновенно повеселевший Дукалис, выплескивая в стакан из бутылки остававшиеся в ней сто граммов и поднося их вошедшему, – пей на здоровье... Вот, хорошо... – Сорокаградусная жидкость скользнула по пищеводу ничего не подозревавшего гостя и легла поверх съеденного два часа назад гамбургера. Коварный искушитель проследил за движением ларинского кадыка, довольно потер

руки и трагически застонал: – Это были последние капли, отобранные у несчастного, но дружного коллектива. Так что теперь тебе сам Бог велел бежать за угол...

Еще через несколько минут сопротивление Ларина общими усилиями было сломлено.

Из карманов пиджаков оперативников начали извлекаться мятые купюры, но тут Казанова проболтался, что вообще-то, по справедливости, идти в магазин следовало Дукалису. В результате короткой перепалки решили: Толику и Андрею страдать вместе.

– Я с вами, за компанию, – попытался смягчить ситуацию низкорослый и нескладный Вася Рогов, которого только недавно перевели в отдел. – Тоже прогуляюсь...

– И это правильно, товарищи, – одобрил Казанова, – порядочным ментам следует ходить по трое. А вам, гражданин Рогов, должно быть приятно находиться в компании умных людей... Говорят... – Капитан воздел к бывшему когда-то белым, а теперь серому потрескавшемуся потолку кабинета указательный палец. – Говорят, что Дукалис даже читать умеет...

– Да иди ты, – беззлобно отмахнулся объект постоянных подколов Казановы, натягивая неопределенного цвета плащ, купленный на барахолке почти за половину месячного оклада. – Мы скоро, мужики...

На том и расстались, даже не подозревая, что через полчаса злодейка-судьба отправит трех наших героев в далекое и полное опасностей путешествие.

* * *

Майор Соловец осторожно выглянул из двери своего кабинета, пошевелил ноздрями, словно вышедший на охоту древний человек, сверкнул маленькими, глубоко спрятанными под мощными надбровными дугами, но в то же время пронизательными серо-стальными глазками, поскреб пятерней трехдневную щетину, должную означать невероятную загруженность делами на протяжении последних суматошных суток и отсутствие в пределах досягаемости начальника ОУРа бритвенного станка, и на цыпочках прокрался по коридору до лестничной площадки, где стоял экспроприированный с проспекта Стачек огромный, выкрашенный серебряной краской бетонный вазон, служивший в отделении пепельницей.

Над вазоном, почти заполненным разномастными хабариками, нестандартной тарой из под спиртосодержащей продукции, обрывками протоколов допросов и опросов, куда несчастные дознаватели вынуждены были вносить выданные из потока сознания свидетелей и потерпевших бессвязные предложения, стрелянными гильзами различных калибров, маленькими полиэтиленовыми мешочками с вещественными доказательствами, подвергшимися быстрой порче, скомканными в тугие бумажные шарики неиспользованными санкциями прокурора на обыск или задержание и всяческим иным мусором, висел полностью израсходованный десять дней назад огнетушитель, не утративший, однако, своего грозного красного вида и могущий еще послужить учебным пособием на занятиях по противопожарной подготовке, которые очень любил проводить лично начальник РУВД.

Возле «пепельницы» в гордом одиночестве стоял изрядно потасканный по засадам и иным служебным мероприятиям Казанова и задумчиво курил длинную коричневую сигарету «More». Незнакомый с капитаном человек мог принять погруженного в свои мысли Казанцева за «интеллигента» с высшим музыкальным или средним искусствоведческим образованием. Но пребывать в сем заблуждении ему пришлось бы недолго, ровно до той секунды, пока Казанова не извлек бы из кармана свою любимую титановую раздвижную дубинку.

– Этого не видел? – свистящим шепотом осведомился низкорослый начальник «убойного» отдела, компенсирующий нехватку сантиметров трехдюймовыми каблуками своих остроносых «казаков», словно специально сделанных для того, чтобы отбивать чечетку на дискотеке во Дворце культуры имени неизвестного милиционера.

– Кого? – так же тихо спросил вынырнувший из мира невеселых дум капитан, пытаясь сфокусировать взгляд на майоре и отделить его образ от переплетенных в розовый, дышащий страстью клубок обнаженных женских фигур, занимавших более половины ментального пространства оперативного сотрудника ОУРа.

– Мартышкина...

– Нет, – после минутного размышления сообщил капитан Казанцев, так и не избавившийся от своей самой прилипчивой эротической фантазии, в которой его любили все женщины мира в возрасте от семнадцати до сорока девяти с половиной лет.

– Ну, вот и хорошо, – Соловец облегченно повысил голос, и его движения обрели уверенность, как и положено досточтимому офицеру милиции, имеющему пятнадцатилетний стаж работы в славных своей историей органах российского правопорядка.

– Задолбал стажер? – участливо поинтересовался Казанова, поймавший, наконец, суть разговора. – Продыху не дает?

– Не то слово, – майор вяло махнул испачканной сиреневыми чернилами рукой. – Хуже неопохмелившегося прокурора...

Капитан поправил являвшийся неременной деталью его туалета длинный красный шарф крупной вязки, который обвивал шею Казановы и зимой и летом, понимающе покивал и неэтично громко икнул.

Соловец интеллигентно сделал вид, что ничего не заметил.

Чрезмерно ретивый и сильно близорукий младший лейтенант Сысой Бедросович Мартышкин был направлен в районное управление на трехмесячную стажировку сразу после окончания ускоренных милицейских курсов, на которых он учился пользоваться свистком, отрабатывал чеканный строевой шаг, столь необходимый в деле борьбы с организованной, не очень организованной и совершенно дезорганизованной преступностью, писал конспекты лекций на тему «Зачатки неправильного правосознания у российских подростков в пубертатном периоде, и как с ними бороться в свете применения к малолетним нарушителям специальных средств в виде слезоточивых газов различной степени воздействия и резиновых дубинок разной длины и веса», участвовал в задержании лектора, оказавшегося знатным педофилом, неведь как проникшим в штат преподавателей школы милиции и охотившимся за привлекательными курсистками и курсистами, вникал в премудрости обращения с плексигласовым щитом и противоголом, изучал устройство пистолета Макарова по большому и красочному методическому пособию, где были допущены три грубейшие ошибки – на рисунке забыли изобразить флажковый предохранитель, двуперую боевую пружину и вместо плоского магазина на восемь патронов нарисовали двухрядный на четырнадцать, – чуть не попал под разнарядку в Чечню, в последний момент вычеркнутый спохватившимся окулистом из списков командированных, мечтал работать в уголовном розыске и на деле проявлять свои недюжинные дедуктивные таланты, коими с детства гордился...

В общем, сие чудо, которое мало чем отличалось от подавляющего большинства выпускников достославных милицейских учебных заведений, в один прекрасный погожий денек явилось к начальнику РУВД подполковнику Николаю Александровичу Петренко и положило перед ним грозное предписание из Главка, в котором русским по белому приказывалось немедленно обеспечить новоиспеченному младшему лейтенанту широкий фронт работ и прикрепить Мартышкина к какому-нибудь суперопытному сотруднику отдела уголовного розыска.

Незримо страдающий от острой нехватки личного состава Мухомор поначалу обрадовался пополнению, но через неделю стух и стал избегать стажера.

А всё потому, что Мартышкин оказался излишне резвым и, даже для сотрудника милиции, чересчур принципиальным.

На второй день пребывания в районном управлении глазастый Сысой обнаружил на подоконнике в туалете выброшенные за ненадобностью десятки заявлений о квартирных кражах и

угонах автомобилей, самостоятельно обошел нудных и забытых всеми потерпевших и хлопнул об стол Петренко пачкой снятых им объяснений. Мухомора чуть инфаркт не хватил. Объективно вредная инициатива чрезмерно активного Мартышкина грозила обернуться для вверенного подполковнику РУВД последним местом в квартальном соревновании среди райуправлений за самый высокий показатель раскрываемости.

Петренко отобрал у Сыся пачку объяснительных, в запале обозвал стажера «Переростовичем», чуть не подставившим дружный, спаянный многочисленными громкими раскрытиями и не менее известными в узких кругах возлияниями коллектив управления под проверку районной прокуратуры, на глазах у изумленного младшего лейтенанта поджег исписанные корявыми почерками листы и гордо швырнул их перед собой.

В результате сгорели не только бумаги, но и стол подполковника.

А грозивший перекинуться на все ветхое здание райуправления пожар потушили с помощью того самого огнетушителя, что несколько лет ждал своего часа над пепельницей-вазоном на лестничной площадке.

Петренко взял трехдневный бюллетень, дабы поправить расшатанные нервы и успокоить истерзанную душу, а после триумфального возвращения на работу, ознаменованного мощным банкетом в близлежащем кафе, в процессе которого был арестован бармен, пытавшийся напоить дознавателя Твердолобова некачественным розовым портвейном «Агдам», представившим собой подкрашенное лиловой тушью белое крепленое вино, прикрепил Мартышкина лично к майору Соловцу.

– Ларина не видел? – проникновенно спросил глава «убойщиков».

– Он с Роговым и Дукалисом вышел на полчаса, – Казанова зевнул, поправил шарф и предвкушающе сглотнул.

– Куда, если не секрет?

– Прогуляться, купить сигареток, гамбургер зажевать... – предположил капитан, не желавший расстраивать майора известием о том, что коллеги в третий раз с начала рабочего дня отправились пополнять истощившиеся запасы спиртного.

– А гамбургер, небось, такой прозрачный и вкусный, – съязвил многоопытный Соловец. – И булькает...

– Да брось ты, Георгич, – Казанова хлопнул майора по плечу и задышал начальнику в ухо. – Мужики, когда согреются, работают лучше.

– Только Мухомору пусть на глаза не попадают, – озаботился Соловец, стараясь отстраниться от густого капитанско-чесночного духа. – Ему сверху бумага пришла о борьбе с пьянством на рабочих местах, так что сам понимаешь... И с завтрашнего дня чтоб в кабинетах – ни-ни! Только за пределами здания. А еще лучше – дома.

– Заметано, – капитан погрузился и посерьезнел. – Предупрежу... Хотя лично я против таких бумаг. Они, понимаешь, конституционные принципы равноправия граждан нарушают. Вот, например, бандит может на рабочем месте выпить, а мы, получается, нет... Непорядок. В чистом виде дискриминация...

Соловец с уважением посмотрел на юридически подкованного коллегу, хотел было продолжить увлекательную беседу, но не успел.

На первом этаже захрипела рация, взвизгнули несмазанные петли двери на улицу и истошно заблажил запертый с утра в обезьяннике серийный гоп-стопник¹, случайно отловленный шедшим на работу бдительным Дукалисом. Пойман был грабитель в момент завершения нападения на не совсем адекватно воспринимавшего окружающую его действительность вершителя правосудия из Фонтанкинского района, судью с двойной аристократической фамилией

¹ Уличный грабитель (жарг.).

Шаф-Ранцев, возвращавшегося под утро из привокзального салона эротического массажа и весело позвякивавшего запонками об асфальт.

Затем послышалась скороговорка Мартышкина, что-то невнятно втолковывающего начальнику дежурной части майору Чердынцеву.

– Всё, я пошел! Дела, сам понимаешь! – побледневший Соловец быстро пожал вялую ладань Казановы и побежал вверх по лестнице на четвертый этаж РУВД, где располагались кабинеты дознавателей и куда сверхактивный стажер по неизвестной причине забредал крайне редко.

* * *

Под ногами оперативников, неспешно бредущих по набережной одного из многочисленных питерских каналов, тихо шуршали присыпанные снегом листья. Хмурый Дукалис двигался, засунув руки в карманы плаща, из которых виднелись горлышки бутылок «Синопской».

– Гляди, Толя, поаккуратнее, а то разобьешь. – Ларин поежился и поднял воротник куртки. – Я второй раз не побегу.

– Не бойсь, у меня как в сейфе, – отозвался задумчивый Дукалис. – Ты сам-то закус не пошей, советчик... Иначе опять придется одну ириску на пятерых делить.

Андрей хлопнул себя по левой стороне груди, продемонстрировав, что носит закуску у сердца, а для колбасы, особенно, когда ее мало, нет лучшего хранилища, чем наплечная кобура...

– Почему одну ириску? – недоуменно захлопал глазами Вася.

– А потому, – нравоучительно пояснил Анатолий, – что после того, как нас перевели на очередное двенадцатичасовое бдение, на «допинг» никаких денег не хватит. Тем более что за сверхурочные, как обычно, заплатит забудут...

– А мне тут Казанцев рассказывал, – подхватил Рогов, – как он шел недавно после дежурства к подруге. Думает, приду, приму ванну, поем и спать, спать, спать... Дошел до лестницы, решает: ну ее на фиг, эту ванну. Главное – поест и спать, спать, спать... Пока поднимается, говорит, приходит к окончательному выводу: ванну приму завтра, поест тоже успею. Но сначала обязательно – поспать... Ну, звонит в квартиру...

Васю хмуро перебил Ларин, продолжая ему в тон:

– ...открывает ему его пассия, и тут Казанову осеняет: «Боже, ее же еще и любить придется!». Тоже мне, «Ужасы нашего городка»...

– Бум! Бум! – Два сухих револьверных выстрела, раздавшихся из парадной метрах в пятидесяти по курсу движения оперативников, спугнули стайку ворон, сидевших на узловатых ветвях тополя.

Оперативники остановились.

Через секунду из парадной выскочил какой-то нескладный человек в длинном темном пальто странного покроя и, срывая с лица темную маску, бросился наутек к ближайшей подворотне.

– Мокруха, Толян! – Ларин сунул было руку в кобуру, но вместо верного «макара», оставленного в кабинетном сейфе, нащупал лишь промасленную бумагу от подозрительно дешевого сервелата, купленного у торговавшей возле метро бабульки. – Берем!...

– Андрюха, проверьте парадную... Я этого сам возьму! – устремившись к подворотне и пытаясь достать на ходу пистолет, сипло крикнул Дукалис.

Ларин, а за ним и Рогов рванули к парадной.

Анатолий скрылся под аркой.

Как назло, в полутьме подворотни он не заметил лужи, натекшей из прохудившейся трубы горячего водоснабжения, в которую и плюхнулся, взметая фонтаны брызг. Но ни писто-

лет, ни заветные бутылки не пострадали – опытный оперативник при падении успел удержать их в руках. Эта неожиданная заминка дала возможность незнакомцу юркнуть в подвал, расположенный в дальнем конце двора.

Ларину повезло немногим больше: на лестничной площадке он обнаружил лежащего человека, который зажимал рукой рану на груди В уголках рта пострадавшего выступила розовая пена.

– Кто стрелял? Назови имя! – Оперативник склонился над раненым.

– I don't understand... I need a doctor²... – прошептал тот.

– Блин, фирмачей нам здесь еще не хватало. – Ларин закрутил головой, рассчитывая увидеть поблизости оружие, из которого несчастный самоубийца, оступившись на лестнице, только что столь удачно дважды выстрелил себе в грудь, но не увидел. Потом, напрягав память, попытался применить те скудные по знаниям в иностранном языке, которые приобрел до милицейской службы на редких уроках английского в мединституте и в общении ее студентами из братских африканских стран. – I'm from criminal investigation department. Please, tell me name of the killer! You must do it!³

– Mo-gi-ar-ty... – с трудом выдавил из себя раненый.

– Это кличка того, кто стрелял? Имя! Назови имя! The name! Tell me the name, white masa!⁴ – продолжал выпытывать Андрей, в то время как Вася Рогов безуспешно бегал вверх-вниз по лестнице, проверяя, не было ли у убийцы сообщников, которые могли скрыться на чердаке.

Но на дверях чердака красовался огромный, проржавевший от старости замок.

А сквозь выступающие на губах у раненого розоватые пузыри пробивалось единственное: «Мориарти».

– Вася! Давай к терпиле! И звони по квартирам, вызывай «Скорую» и опергруппу! – заполошно приказал Ларин. – Я к Толяну... – И, не дожидаясь ответа, опрометью побежал вниз по лестнице.

Под аркой оперативник наткнулся на мокрого и злого Дукалеса.

– Этот козел в подвал прошмыгнул, – попытался оправдаться тот. – А водку я спас.

– Какая, к черту, водка? У нас мокруха. И, чувствую, глухарек намечается. – Андрей был настроен решительно. – Давай, пока клиент не ушел, за ним. Может, успеем перехватить... Кстати, кличка Мориарти тебе ничего не говорит?..

Дукалис в ответ лишь недоуменно заморгал и пожал плечами. Оперативники с предосторожностями двинулись к двери подвала, за которой скрылся незнакомец.

* * *

Майор Чердынцев оторвал от своего местами изящно потертого кителя сведенные судорогой пальцы бомжеватого субъекта, приведенного с улицы перевозбужденным Сысоем, с не свойственной стражу порядка ненавистью посмотрел на стажера и грохнул кулаком по деревянной некрашеной стойке перед небольшим окошечком с кроваво-алой надписью «Дежурный».

– Молчать!!!

Задержанный тут же умолк.

Как и Мартышкин.

² Не понимаю, мне нужен врач (англ.).

³ Я из уголовного розыска. Пожалуйста, назовите имя убийцы! Вы обязаны это сделать! (англ., стиль в пределах программы обычного советского образования.)

⁴ Имя! Назовите мне имя, белый хозяин! (англ.).

Трое немного полноватых сержантов из спецназа МВД, коих в народе называют «креплеными беретами»⁵ за их неумную тягу к спиртосодержащим жидкостям, за цвет головных уборов, похожий на бодяжный портвейн, и за непонятную непосвященным гордость за цвет, форму и содержание этих самых беретов, с уважением посмотрели на голосистого майора.

Сержантам было скучно.

Утром их вызвали в РУВД, чтобы помочь арестовать крайне опасного преступника, напавшего на перманентно нетрезвых в конце напряженнейшего рабочего дня участковых и обливавшего несчастных пасечников⁶ зеленкой. В результате этих трагических происшествий половина инспекторов бродила по участкам с розовыми, шелушащимися, отдраенными пемзой лицами и выбритыми наголо головами. Ибо зеленка с волос не выводится никакими средствами. Внешний вид участковых был столь необычен, что их начали избегать даже штатные стукачи.

Намеченная операция по непонятным причинам всё откладывалась и откладывалась, и спецназовцам ничего не оставалось, как грустно сидеть на скамеечке рядом с решеткой «обезьянника», лузгать семечки, незаметно сплевывая ошметки себе под ноги, подремывать и наблюдать за броуновским движением патрульных, оперативников, подозреваемых, дознавателей, потерпевших, свидетелей и просто посетителей.

– Молчать!!! – строго повторил Чердынцев и скрылся за дверью дежурного помещения.

Через несколько секунд в окошечке, именуемом не иначе как «кормушка», показалось его круглое раскрасневшееся лицо.

– А вот теперь, младший лейтенант Мартышкин, – майор со сладострастным удовольствием сделал упор на прилагательное «младший», – доложите, как положено...

– Мартышкин?! – загоготал задержанный. – А что ж ты мне Горилловым представился?!

– Да я... – начал было стажер, но осекся и опустил взгляд.

– Бабуинов, твою мать, вот ты кто! – рассвирепел Чердынцев, на секунду ощутив укол совести за произнесенную вслух грубость в адрес младшего по званию.

* * *

Подвал, как в стародавние времена, оказался запущенным и безхозным, будто до местных дворников так и не довели указание о запираании дверей от блохастых кошек, не менее блохастых бомжей и бородатых горцев-террористов, испытывающих прямо-таки патологическую страсть к городскому жилому фонду. То взрывчатку под дом подложат, то на пассажирском самолете стену прошибить норовят...

Тусклый свет чудом сохранившейся лампочки выхватывал из подвального полумрака обернутые дерюжкой и рубероидом трубы, загаженный всякой неподконтрольной живностью шлак на полу, несколько полусгнивших досок которые по всей видимости должны были изображать мостки, и выведенную на стене надпись серебряной водоэмульсионной краской «Писатель Андрей Лебедев – импотент. Ха-ха ха!»

Кто был такой этот «писатель Лебедев» и почему о его импотенции сообщалось не где-нибудь, а в подвале, было неясно.

– Слушай, Андрюха, может, подождем группу? – шепотом осведомился Дукалис. – После этого ведь хрен отстираешься, да и вшей тут наверняка, навалом...

– Нельзя, Толян. – Ларин осторожно поднял с пола метровый обрезок водопроводной трубы, чудом избежавший пункта приема металлолома. – Если не пойдем, потом завалят наездами типа «на каком основании было принято решение оставить амбразуру без грудного при-

⁵ Дмитрий Черкасов. Выражение принадлежит автору.

⁶ Участковый инспектор милиции (жарг.).

крытия». А так, глядишь, по лишней справке в ДОП⁷ сунем. Давай потихоньку-полегоньку вперед...

Спугнув по дороге пару облезлых кошек, оперативники миновали несколько пустых помещений, но ни затаившегося убийцы, ни запасного выхода из подвала не обнаружили.

– Ты хоть представляешь, где мы? – поинтересовался Дукалис у напарника. – Кажется, мы уже дома два пропахали.

– Тс-с-с! – Ларин предостерегающе приложил палец к губам и показал на узкую вертикальную полосу света в дальнем углу помещения.

Дукалис кивнул; он тоже заметил свет, льющийся из-за неприметной, обшитой неструганными досками двери, и мелькнувшую в световой полосе тень и направил в ту сторону пистолет.

Затаив дыхание, оперативники двинулись вперед; когда до двери оставалось совсем немного, темноту подвала пронзила яркая вспышка света. Незнаком откуда ворвалась струя холодного воздуха, запахло озоном, и в тишине прозвучал обрывок странной фразы, сопровождаемой каким-то кашляющим смехом: «Fuck you!»⁸.

Полуослепший Дукалис одним прыжком преодолел расстояние до двери, рванул ручку на себя, выставив пистолет вперед:

– Стоять! Я контуженый афганец! У меня справка есть!

Ответом ему были лишь дыхание Ларина и его голос:

– Ша, Толян, поздно пить «Боржоми», когда почки отвалились. Тут пусто....

И действительно, в камере, на пороге которой оказались оперативники, больше напоминавшей размерами платяной шкаф выпуска пятидесятых годов, не наблюдалось ни одной живой души.

– Андрюха, помнишь анекдот? – недоуменно озираясь, поинтересовался Анатолий. – Слон обвалился в муке, смотрит на себя в зеркало и удивляется: «Ох, и ни фиги себе, пельмешка!» Вот и я про то же.

Ларин, вслед за Дукалисом посмотрев по сторонам, удивленно присвистнул: в недрах загаженного подвала каморка выглядела нереально чистой. Пол и стены были облицованы светлым кафелем, у стены располагался щиток с непонятными приборами, смутно напоминавшими внутренности командно-штабной машины, которую Андрей когда-то видел на военной кафедре в институте. На встроенном в стену небольшом столике, чуть ниже мерцающего экрана монитора, красовалась компьютерная клавиатура.

Входная дверь, неприметная снаружи, изнутри была покрыта блестящим белым металлом и, похоже, закрывалась надежно, так как была снабжена сложным замком типа «краб», ригели которого одновременно входят в четыре паза со всех сторон.

– Ни фиги себе, пельмешка! – еще раз задумчиво повторил Дукалис. – Куда же он, гад, делся? Андрюха, здесь должен быть еще выход... Ага, нашел!.. – Он потянулся к большой красной кнопке с надписью «Exit»⁹.

– Подожди!.. – Ларин не успел закончить фразу, как его напарник уже вдавил палец в кнопку.

Снова – ослепительная вспышка света, легкий запах озона, затем – грохот, темнота, ощущение стремительного полета, будто во сне срываешься с заоблачных высот и летишь в небытие, легкая тошнота, сведенные в судороге руки...

– Андрюха, ты жив?..

⁷ ДОП – дело оперативной проверки.

⁸ Fuck you! (англ.) – наши переводчики, озвучивающие американские фильмы, обычно переводят: Задница!? Не будем спорить и вдаваться в тонкости языка...

⁹ Выход (англ.).

* * *

– Бабуинов! – повторил заглушивший голос совести Чердынцев, открывая здоровенный гроссбух, куда вносились данные о происшествиях. – Ну, так что у тебя?!

– Слышь, начальник, – бомжеватый субъект засунул голову в окошечко и дружелюбно подмигнул майору. – Ты, это... дурика своего убери...

– Немедленно прекратить! – Тщедушный Мартышкин обеими руками схватился за воротник грязной куртки, болтавшейся на плечах субъекта, для верности уперся ногой в стену и потянул задержанного на себя.

Раздался треск рвущейся материи, и Сысой грохнулся крупом об пол, сжимая в кулаках кусок ткани.

На пышущих здоровьем, круглых и румяных лицах «крепленных беретов», являвших собой элиту войск МВД, возникло некоторое подобие интереса.

Субъект цыкнул зубом, поморщился, передернул плечами, но вылезать из окошечка не спешил.

– Сопротивление сотруднику милиции! – заголосил Мартышкин, сидя в луже грязной воды, натекающей с обуви входящих аккуратно рядом ковриком, о который, по идее, им следовало вытирать ноги, но никто почему-то этого не делал.

Чердынцев горестно вздохнул, упер ладонь в лоб бухарику и вытолкал голову алкаша из проема окошечка.

Стажер отбросил в сторону свой трофей, резво вскочил и повис на спине у задержанного.

С минуту младший лейтенант и пьяница из соседнего дома, вся вина которого заключалась в том, что он решил отлить на угол здания РУВД, молча толкались и пыхтели.

Наконец Мартышкин метким тычком под ребра заставил противника развернуться боком, треснул ему носком ботинка по щиколотке, схватил за грудки и дернул на себя. Пьяница мазнул грязной ладонью по лицу Сысои, смачно плюнул стажеру на брючину и немедленно получил в ответ удар кулаком в грудь, отбросивший его на стойку перед окошечком дежурного.

Затылок алконавта вошел в соприкосновение со стеклом, и на стол Чердынцеву посыпались осколки.

«Крепленные береты» привстали, не желая упускать ни единой подробности из разворачивающейся у них на глазах душераздирающей сцены.

– Скотина! – заорал ошалевший майор, увернувшись от падающего аки лезвие гильотины особенно крупного осколка и напрочь забыв о правилах хорошего тона, в теории свойственных всем без исключения офицерам российской милиции. – Ты что наделал, шпрот недодавленный?!

Мартышкин подхватил сползавшего на пол оглушенного бухарика и поставил его вертикально.

– Отвечать, когда тебя господин майор спрашивает! – в манере служаки-ротмистра воскликнул стажер.

Пьяница замычал нечто невразумительное.

– Я не его спрашиваю! – возопил Чердынцев. – А тебя, чудовище!

– А что я?! – удивился Мартышкин.

Входная дверь распахнулась, и в проеме показался подполковник Николай Александрович Петренко, прибывший в родное управление с совещания у начальника ГУВД, где его опять ставили всем в пример как главу подразделения, укомплектованного самыми толковыми сотрудниками в пределах городской черты, и на карачки за невысокий процент раскрываемости заказных убийств, которых на участке Петренко сроду не совершалось.

Петренко вытер подошвы забрызганных грязью ботинок о черный синтетический коврик и окинул печальным взглядом помещение.

Чердынцев, Мартышкин, дежурный сержант в форме восхитительного серого цвета, с автоматом на плече и чуть тронутыми бледно-голубой тушью длинными девичьими ресницами, чье лицо можно было бы смело поместить в музыкальную энциклопедию в качестве иллюстрации к статье «Юность Петра Ильича Чайковского», и три «спецназовца» застыли на месте.

Только задержанный продолжал шевелиться, пытаясь оттолкнуть от себя вцепившегося аки клещ стажера.

– Что здесь происходит? – тихо поинтересовался подполковник.

– Он! – задыхающийся багровый Чердынцев ткнул пальцем в Сысю. – Он!

– Что «он»? – Мухомор в свою очередь тоже начал наливаясь краской.

– Это всё из-за него...

– Вот это? – Петренко вскинул подбородок и показал на разбитое стекло.

– Да! – Майор зачем-то отдал честь, приложив дрожащую руку к непокрытой голове.

– К утру чтоб было, как раньше, – приказал Мухомор и шаркающей усталой походкой двинулся к лестнице.

– Но... – застонал майор.

– Никаких «но», – Петренко остановился. – Завтра проверяющий прибудет, к десяти.

– Где ж я такое стекло возьму? – На лице Чердынцева проступила растерянность.

– Забейте фанерой и покрасьте в прозрачный цвет, – посоветовал Мухомор и, погрузившись в невеселые мысли по поводу прошедшего совещания, стал медленно подниматься по лестнице.

* * *

– Я же предупреждал: подожди. – Ларин укоризненно смотрел на выпучившего глаза друга. – Что за манера – неизвестную технику проверять методом тыка?

Оперативники стояли посреди каморки, недоуменно разглядывая друг друга.

Если после внезапной вспышки света и наступившего вслед за тем мрака короткая прическа Дукалеса почти не изменилась, ну разве что стала напоминать ёжика, то Ларин вполне мог бы пробоваться на роль Бивиса – его волосы стояли абсолютно вертикально.

– А тебе не кажется, что здесь что-то изменилось. Пол, например? – Анатолий покосился на кафельную плитку, казавшуюся теперь не голубой, а розовой. – И дверь, вроде бы, другого цвета была...

– Ты бы еще больше на кнопки жал, – огрызнулся Ларин. – Вот доберутся до тебя комитетчики, скажут, что их технику испоганил...

– Да я н-ничего. Я п-просто... Я скажу... – заикаясь, начал оправдываться Толян, вызвав дополнительный прилив недовольства напарника.

– Скажу... «Товарищ, верь: зайдет она, звезда разгула гласности. Припомнят наши имена тогда в госбезопасности», – продекламировал Андрей. – Пошли-ка отсюда поскорее, тем более что выход, кажется, все-таки отыскался. Да и убийца где-то рядом бродит.

Дукалис обиженно хмыкнул и первым шагнул за дверь.

Буквально через секунду Ларина, следовавшего за ним, едва не свалило с ног. Это Толян втолкнул в каморку какого-то тшедушного, похожего на бомжа мужичка, который, видимо, торчал снаружи у выхода. Держа незнакомца за широкие лацканы потертого клетчатого пальто, оперативник яростно тряс беднягу, требуя немедленно сообщить, куда тот дел пистолет, и назвать имя заказчика.

– Говори быстро, а не то по стенке размажу! – не желая терять драгоценных секунд, покуда задержанный мало что соображал с перепугу, наседали на незнакомца Дукалис.

– I don't... I don't...¹⁰ – пытался лепетать мужичок.

– Толян, тебе кнопки мало? Оставь человека в покое... – Ларин уже оправился после неожиданного вторжения. – Блин, ну я же предупреждал!

Дукалис пару раз приложил мужичка спиной к стойке с приборами; посыпались искры, свет в камере погас, лишь где-то под потолком мерцала под слоем пыли тусклая одинокая лампочка.

Задержанный, оставленный наконец в покое, скрючился, сидя на корточках на полу и что-то невразумительно лопоча.

Андрей сообразил, что незнакомец изъясняется по-английски, и, тщательно подбирая оставшиеся в памяти с институтских времен слова, постарался мужичка успокоить. Попутно Ларин проверил у задержанного карманы на предмет спрятанного оружия и убедился в отсутствии такового. Документов у незнакомца тоже не оказалось. Андрей знал, что перед ним не убийца, во всяком случае – не исполнитель, так как человек, скрывшийся в подворотне, и одет был иначе, и ростом был много выше.

Тем не менее старая байка о плохом и хорошем следователях, очевидно, сработала. Перепуганный бомж понемногу стал приходить в себя, речь бедняги приобрела связность. Как понял Ларин из его слов, преступник только что выскочил из камеры и убежал. Куда именно, как ни старался выяснить оперативник, задержанный не сказал.

– Ты где живешь? – по-английски поинтересовался Андрей.

– I live in London, – последовал ответ.

– Да не слушай ты его, – встрял в разговор Дукалис. – Не видишь, он просто издевается? Давай оттащим его в отдел, а там разберемся.

– Ладно, – согласился Ларин, – пошли на выход. Let's go, sir. Big deal wate us¹¹.

Бомж суетливо закивал и поднялся с пола.

Когда вся троица оказалась за дверью, оперативники повернули в стгутившейся тьме подвала налево, но задержанный снова залопотал по-английски, показывая рукой в противоположную сторону.

– Ладно, пойдем, если здесь короче, – милостиво согласился Дукалис. – Но смотри, не вздумай удрать! Шаг в сторону рассматривается как попытка к побегу.

Дверь на улицу, действительно, оказалась неподалеку.

Выбравшись из затхлого помещения, оперативники буквально оцепенели: прямо перед ними, за низкими, покосившимися строениями, текла широкая река, по которой, дымя трубой, шлепал лопастями колес старинный пароход.

Вдалеке, протыкая шпилем ключья дыма и сырого тумана, тянулась вверх странная башня.

– What's this? – Ларин уставился на открывшуюся панораму. – Что это такое?

– What do you mean, sir?... There's the Thames, the Big Ben... – отозвался незнакомец. – All is as usual. London, sir¹²...

– Ну, ни фиги себе, пельмешка! – Дукалис третий раз за вечер помянул старый анекдот...

¹⁰ Я не... (англ.)

¹¹ Пойдемте, сэр. Нас ждут большие дела (институтск. англ.).

¹² Что вы имеете в виду?... Вон Темза, Биг Бен. Все как обычно. Лондон (англ. разг.).

* * *

– Разрешите, товарищ подполковник? – Майор Соловец переступил порог кабинета начальника РУВД и почтительно остановился.

– Проходи, садись. – Петренко снял очки и положил их перед собой на рапорт группы дознавателей, в котором те просили обеспечить их безвозмездной финансовой помощью.

Посредством оной они надеялись дотянуть до следующей зарплаты.

Дознаватели сильно поиздержались, отметив в ресторанчике по соседству юбилей старейшего сотрудника отдела, к пятидесяти семи годам получившего наконец давно заслуженное звание капитана. Банкет, как водится, закончился взаимной дружеской потасовкой, прибытием нескольких немного странноватых с точки зрения национальной принадлежности нарядов ППС¹³ и пустыми карманами наутро, когда юбиляр со товарищи очнулся. Набранным из нелегальных вьетнамских и монгольских эмигрантов патрульным были чужды хорошо известные всем российским выпускникам школ МВД понятия «корпоративная солидарность» и «порядочность по отношению к коллегам».

Они и слов-то таких по-русски не знали...

Так что карманы дознавателей оказались такими же пустыми, как карманы обыкновенных граждан, попадающих в цепкие руки пэпээсников.

Коллективный рапорт содержал сто девяносто три непреднамеренные, а связанные лишь с усталостью составителей грамматические ошибки в ста семидесяти словах текста и блистал отсутствием запятых, в результате чего смысл рапорта, и без того весьма далекий от понимания, был покрыт завесой тайны даже для Мухомора. Единственное, что понял подполковник, – это недовольство дознавателей с фамилиями Удодов, Чуков, Геков и Безродный действиями бармена, подсунувшего им водку с явной примесью жидкости для борьбы с насекомыми, и призыв привлечь наглого трактирщика к уголовной ответственности по статьям 295¹⁴ и 357¹⁵ за попытку истребления находящейся под охраной государства популяции милиционеров.

В личной беседе при подаче рапорта Безродный – парламентар от дознавателей, совершенно разошелся, потерял связь с реальным миром и даже начал угрожать Петренко тем, что, в случае неоказания срочной материальной помощи мучающимся с похмелья сотрудникам, они будут вынуждены компенсировать отсутствие средств путем переодевания в форму работников ДПС¹⁶ и выходом на соседнюю улицу с целью добычи требуемой суммы «известным способом».

Мухомор пообещал решить проблему и отправил еле державшегося на ногах дознавателя восвояси.

Как оказалось, очень вовремя.

Спустя пятнадцать секунд, прошедших с момента окончания беседы в кабинете Петренко, непонятый подполковником парламентар в порыве горестного и справедливого негодования стал громко для всей очереди, собравшейся у паспортного стола, читать лекцию о том, что «пить, господа, вредно, а опохмеляться полезно». После чего сел на колени к какой-то старушке, назвав ее мамой, и сильно захрапел.

Соловец плотно прикрыл за собой дверь, отсекая доносящиеся из коридора возмущенные крики посетителей, пришедших наконец в себя после антиалкогольной лекции Безродного.

¹³ Патрульно-постовая служба.

¹⁴ Статья 295 Уголовного Кодекса России – Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование.

¹⁵ Статья 357 УК России – Геноцид.

¹⁶ Дорожно-патрульная служба Госавтоинспекции.

– Стажеру надо найти какое-нибудь дело, – с места в карьер начал Мухомор, параллельно обдумывая сказанное предыдущим посетителем и переживая из-за того, что не смог помочь измученным недостатком наличных средств дознавателям. – Иначе он нам весь отдел разгромит...

– Может, он засланный? – предположил сообразительный не по годам майор.

– Кем? – прищурился многоопытный Петренко.

– ССБ¹⁷...

– А зачем?

– Для профилактики, – изрядно потрепанный прошлыми проверками, но непобежденный Соловец развил показавшуюся ему интересной мысль.

– Думаешь? – Подполковник нервно побарабанил пальцами по столу.

– А почему нет, Николай Александрович? – Майор шмыгнул носом. – Новый министр... да будет славно имя его и занесено в скрижали истории, – Соловец с придыханием изрек стандартное и утвержденное на самом верху милицейского руководства славословие новому главе ведомства, которое полагалось произносить всякий раз, как в разговоре упоминалось первое лицо МВД, – говорил, что эсэбэшники теперь будут действовать нестандартно...

– Возможно, – Петренко откинулся на спинку кресла и поднял глаза к потолку. – И у заместителя начальника Главка на мое место уже кандидатура подобрана... Племянш евойный. Из пожарников, – объяснил подполковник. – Степанидзе его фамилия... Зовут Арон Исакович.

– Ну, вот, всё складывается, – уверенно изрек Соловец, втайне недолюбливавший «лиц пархатой национальности» и тщательно скрывавший свои воззрения от окружавших его коллег-интернационалистов, которые совершенно одинаково и очень по-доброму относились и к русопятым выходцам из деревень Нечерноземья, и к ортодоксальным иудеям, и к смуглым рыночным торговцам с Кавказа, и к иссиня-черным туристам из каких-нибудь Замбии или Ганы, и к смотрящим на мир сквозь щелочки узких глаз представителям малых северных народностей.

– Тогда надо принять контрмеры, – спустя минуту проворчал Петренко.

– Какие? – спросил Соловец, предпочитая получать ценные указания от непосредственного руководства, нежели самому проявлять вредную инициативу и вызывать в свой адрес ненужные подозрения в желании казаться умнее начальника.

– Какие, какие? – недовольно бормотнул подполковник. – Что, сам не знаешь? Поручим ему глухарька, пусть копается. Главное, чтобы наш стажер в отделе пореже появлялся...

– У нас сейчас нет глухарей, – предусмотрительный майор в ожидании проверяющего полчаса назад уничтожил все документы по потенциально бесперспективным делам и теперь чесал в затылке.

– А ты найди...

– Как?

– Мне что, тебя учить? – начальственным козлетоном проблеял Мухомор. – Выбери заявителя понуднее и отдай его Мартышкину. И прикажи без результата не приходить.

Начальник «убойного отдела» пожал плечами.

– Тогда надо изнасилования ждать...

– Ты не жди, а иди и работай! – Петренко начал злиться. – И не закливайся на изнасилованиях. Их может и не произойти, если ты сам, конечно, не изнасилуешь кого-нибудь...

Благодаря особенно внимательному отношению сотрудников МВД к заявлениям об изнасилованиях, выражавшемуся в намеках пострадавшим о «сугубо добровольном коитусе» и громко высказываемой «уверенности» дознавателей и оперативников в том, что жертва просто хочет «по-легкому срубить денюжат» с обвиняемого, количество обращений такого рода

¹⁷ Служба собственной безопасности МВД.

действительно было минимальным, что благотворно сказывалось на статистических данных, лежащих в основе отношения общества к полной опасностей и лишений работе сотрудников правоохранительной системы.

– Поручи ему любое дело, – Мухомор опять напялил очки, демонстрируя, что разговор окончен. – Сам поработай с заявителями. И чтоб сегодня до вечера этого засланного казачка тут уже не было...

Глава 2

ДРИНК СО СВИДАНИЕМ

– Не, ты, Роб, погоди... – Андрей крепко схватил нового знакомого за руку, чтобы тот не успел очередной раз отхлебнуть из открытой оперативниками с горя бутылки. – Давай-ка, повтори еще раз. Только медленно. А то ни я, ни мой друг тебя толком не поймем: давай все по порядку. Understand me?

Роб, а правильнее Роберт Уильям Дьерк, с которым менты грустно сидели на берегу Темзы, понял вопрос и очередной раз, растягивая слова и помогая себе жестами, попытался объяснить ситуацию.

Оперативники не обманулись, заподозрив в нем бомжа.

Роб когда-то работал инженером на ткацкой фабрике, но стал чрезмерно попивать, затем фирма по производству льняных простыней и наволочек вообще обанкротилась, так что Дьерк лишился средств к существованию. Неделью назад домовладелец выставил его на улицу за задержку квартплаты, милостиво пообещав не обращаться в полицию, а компенсировать недоимку кое-каким имуществом, оставшимся в комнате Роба. Новоиспеченный бомж уже обдумывал, что будет легче – утопиться или же, плюнув на все, ночевать под мостом, как вдруг ему улыбнулась удача.

Она оскалилась длинными желтоватыми зубами высокого джентльмена, поймавшего Роба у набережной Темзы и предложившего работу.

Суть ее сводилась к следующему: инженер должен был постоянно находиться около помещения – «ну, того, из которого, господи, вы вышли». Строгий наказ посторонних внутрь не пускать неукоснительно выполнялся, благо двери запирались надежно. В саму каморку до сегодняшнего дня Роб не заглядывал.

В этом месте рассказа он выразительно посмотрел на Дукалеса, кивнувшего головой: все, мол, андестенд, продолжай.

Сегодня днем мистер Мориарти, так представился Роберту работодатель, сказал, что ему необходимо некоторое время побыть в каморке одному. Где-то через час-полтора он выскочил оттуда и как ошпаренный понесся прочь, успев крикнуть напоследок: «Запирай!» Ну, а потом (англичанин еще раз выразительно взглянул на Дукалеса) появились гости, с которыми он сейчас и выпивает.

– Друзей, родственников у тебя, разумеется, нет? – осведомился оперативник. – И трудовой контракт с тобой, естественно, тоже не заключали, обещали заплатить завтра? И вопрос с вещами уладить завтра? А потом – и с квартирой?

– Да-а, а откуда вам это известно? – недоуменно захлопал ресницами Роб.

Дукалис только зло сплюнул и указал на бутылку:

– Пей лучше...

Дьерк сделал паузу и приложился к «Синопской», пока его снова не остановили.

– Все, Толян, влипли! – подвел итог Ларин. – Теперь нам точно деваться некуда: это какой-то комитетский канал. Если не МИ-6 или, хуже того, МИ-5¹⁸. Не знаю, как это у них получается, но что-то я на эту тему читал. Теле... Теле... В общем, перемещение в пространстве.

– Телепортация? – подсказал Дукалис. – Ты че, Андрюха, такого не бывает. Это ж белая горячка натуральная. Ребятам скажешь – в «дурку» отправят.

¹⁸ МИ-6 – Служба внешней разведки Великобритании; МИ-5 – Служба контрразведки.

– Отправят – не отправят, но одинаковых галлюцинаций у двух людей не бывает, – возразил Ларин, – мне об этом Вася Рогов рассказывал, после того как его с «Пряжки» выпустили¹⁹. Давай-ка лучше думать, как отсюда выбираться.

– А фигли тут думать? – возразил Анатолий, отобрав у англичанина бутылку и сделав здоровенный глоток. – Надо по-тихому обратно и на кнопку эту, где «выход», понажимать.

Но тут же потупился под хмурым взглядом товарища, вспомнив, что кнопку они уже нажимать пробовали и без толку. После того как Дукалис впечатал Дьерка в приборы, там, видно, что-то сломалось и в результате путь домой был отрезан.

– Представляю, что сейчас в «конторе» творится, – вздохнул Ларин. – Вместо свежей водяры свежая мокруха. А тут нас ловят посреди Лондона как русских шпионов.

– О, да-да, рашен, – оживился Роб, – мне очень нравится ваш царь Александр. Россия и Великобритания в преддверии нового тысячелетия должны дружить!..

– Наш – не Александр, а Владимир, – язвительно возразил Дукалис. – Просто Вова. И отчество тоже такое же. И не царь он. Андрюха, как по-английски будет «президент»?

– Так и будет. – Ларин внезапно насторожился и, старательно вспоминая забытые иностранные слова, обратился к Дьерку: – А скажи-ка, Роб, ты давно... «Бухаешь» – как это по-вашему, «дринкинг», что ли?..

– Нет-нет, – протестовал бомж, – я теперь сильно не пью. Но неужели я выгляжу, будтопил несколько дней?

– Да не несколько дней, мой друг, а годик как минимум, – возразил Ларин. – Милениум-то, по-моему, уже давно весь мир отпраздновал. Или у вас в Англии свой календарь?

– Почему свой? – обиделся Роб. – У нас, как во всем цивилизованном мире, счет времени ведется от Рождества Христова. Не думайте, у меня с памятью все в порядке. Сегодня двадцатое октября тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года... Да, а что такое «милениум»?

– Какого-какого года? – Ларин устался на бомжа. – Repeat please. But don't quickly.

– Одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого, – подозрительно глядя на собеседников, повторил Дьерк. – А вам, господа, что-то кажется в этом странным?

Андрею удалось незаметно наступить на ногу Дукалису на миг раньше, чем тот начал высказывать свое мнение по поводу состояния мозгов некоторых присутствующих здесь алкашей.

– Нет-нет, Роб, все в порядке. Все о`кей... А у тебя, случайно, не найдется хотя бы корки хлеба на закуску?

Когда Дьерк удалился в ветхое бревенчатое строение за едой, друзья воспользовались моментом, чтобы еще раз разобраться в ситуации, которая представлялась им все более нереальной. В конце концов они решили допить «Синопскую» и попытаться осторожно вытянуть из нового знакомого еще какие-нибудь сведения, которые могли бы оказаться полезными. В любом случае было решено не выяснять, где находится Скотланд-Ярд: встреча с местными стражами порядка, как справедливо рассудили друзья, не предвещала ничего хорошего. В лучшем случае можно было рассчитывать на пару ударов по почкам и последующую ночевку в «гадюшнике»²⁰ – так сказать, до полного вытрезвления.

– Толян, представляешь, что будет, если мы туда сунемся? – поинтересовался Ларин. – Находим местную ментовку, вваливаемся к дежурному: «О, здравствуйте, мы есть два рашен мента... Тудэй мы мало-мало дринк ин Раша. Теперь, нау, по-вашему, не знаем, как добраться домой». Держу пари, что ты на их месте ответил бы что-нибудь вроде: «Йес, конечно, вы есть совсем похожи на иностранных бобби или даже на марсиан. Сейчас марсоход подъедет и вас

¹⁹ Пряжка – психиатрическая больница в Петербурге; о приключениях там Рогова подробно рассказывается в телесериале «Убойная сила» (сценарий Андрея Кивинова).

²⁰ Гадюшник, аквариум, обезьянник, клетка и т. д. – место содержания временно задержанных в территориальных подразделениях милиции (сленг).

будет увозить... Ой, простите, у вас оружие, рашен водка... Криминал... Это есть подрывная джоб против нашей Грейт Британ энд Краснознаменной полиис!.. Энди, позвони, пожалуйста, господину Джи Бонду. Да-да, его намбер зироу-зироу-севн». У них же тоже ментовский синдром наверняка есть. Найдется шибко бдительный, и – очередные две палки срублены²¹... Нет уж, давай-ка лучше сначала послушаем этого Роба.

Дукалис обреченно махнул рукой.

Через некоторое время на набережной снова появился Дьерк, который притащил пару луковиц и ссохшийся от старости сэндвич, завернутый в обрывок газеты. Пока англичанин раскладывал закуску, Ларин молча показал товарищу на газету: мол, смотри, но не падай. Под сохранившейся частью заголовка красовалась дата: «1888, October».

* * *

«Глухарек» для Мартышкина прилетел даже раньше, чем Соловец успел дойти до собственного кабинета.

Когда майор спустился по лестнице на свой этаж, то сразу узрел вальяжно рассевшееся на трехместной скамейке начинающее заплывать жирком тело в длинном кашемировом пальто лилового цвета, занявшее мощным крупом два с половиной сиденья и перегородившее вытянутыми ногами больше половины ширины коридора. Тело с неподдельным интересом оглядывало окружающий интерьер маленькими выпученными глазками и имело столь задумчивое выражение лица, что Соловец поначалу принял его за своего коллегу из следственного отдела района.

– Э-э-э, – промычало тело, когда майор начал ковырять ключом в замочной скважине, пытаясь отпереть хлипкую дверь кабинета.

– Вы ко мне? – спросил Соловец.

– Да. – Посетитель встал, и майора обдало густым ароматом туалетной воды «Ceazar»²², коей незнакомец явно пользовался сверх всякой меры.

– По какому вопросу?

– Мне этот... – посетитель щелкнул пальцами. – Ну, ваш, снизу, сказал, что сюда... Чердачков.

– Чердынцев, – автоматически поправил Соловец. – Проходите.

Незнакомец вплыл в кабинет и уселся на скрипучий стул напротив майорского стола.

– Так что у вас? – Хозяин кабинета расположился в многократно прожженном окурками кресле.

– Я – генеральный директор издательства «Фагот», – значительно молвил посетитель и небрежно кинул на покрывавший стол плексиглас прямоугольник визитной карточки, сплошь усеянный золотыми вензелями, словно этикетка молдавского десертного вина. – Трубецкой...

– И что? – Соловец покрутил в пальцах визитку, отметив, что визитера зовут Василий Акакиевич.

– Человек пропал...

– Что за человек?

– Автор.

– Автор чего?

– Не чего, а чей, – генеральный директор издательства недовольно выпятил нижнюю губу. – Мой автор...

²¹ Срубить палку (проф. сленг) – здесь отметить в отчете успешно проведенное мероприятие, раскрытие преступления, задержание.

²² Цезарь (англ.).

– Тогда вам надо в отдел, занимающийся... – Майор внимательно посмотрел на собеседника. – Нет, отставить. Мы вам дадим молодого, но опытного сотрудника, – Соловец снял телефонную трубку. – Дежурка? Слушай, Чердынцев, Мартышкин еще у тебя?.. И что делает?.. Какую фанеру?.. Ага... Давай его сюда, тут заявитель по его профилю...

Трубецкой слегка скривился, услышав фамилию Мартышкин, но из природной воспитанности комментировать не стал.

– Сейчас будет, – сообщил майор, лучезарно улыбаясь директору издательства. – Так когда пропал ваш автор?

– Вот, – Трубецкой покопался в кожаной папке с тисненым золотом вензелем «Fagot» и извлек на свет божий парочку рекламных плакатов, – посмотрите...

– Интересно, – Соловец разгладил глянцевые листы, сообщавшие о том, что некие «авторы бестселлеров» Чушков и Беркасов под общим псевдонимом Б. К. Лысый написали «новый блок-бастер» про какого-то «Народного Целителя» и сие произведение издано в серии «Закон жулья». – Это Чушков пропал? Или Беркасов?

– Никуда они не пропадали, – горестно пробубнил издатель. – Пропал другой...

– А зачем вы мне это показываете? – не понял начальник убойного отдела.

– Чтобы вы были в курсе, если на меня будет совершено покушение, – скрипуче заявил Трубецкой и оглянулся, словно ожидал увидеть у себя за спиной подслушивавшего разговор киллера.

– Кто-то собирается? – Майор взял ручку.

– Один из этих двоих, – страшным шепотом поведал издатель.

– И кто же? – Соловец тоже понизил голос. – Скажите, Василий Акакиевич...

– Пока не знаю...

– Но узнаете?

– Обязательно.

– Ну, вот тогда и приходите, – облегченно вздохнул страж порядка.

– Я решил сообщить заранее. – Трубецкой ослабил узел аляповатого турецкого галстука в зеленый горошек на розовом поле, приобретенного им у нечистого на руку продавца-албанца возле бутика «Версаче» на площади Святого Петра в Риме. – Проинформировать, так сказать.

– И это правильно, – согласился Соловец. – Тогда, когда вас все-таки убьют, мы будем знать, кого арестовывать.

Генеральный директор издательства «Фагот» обиженно засопел, но поставить на место невежливого майора не успел, ибо за его спиной распахнулась дверь и в кабинет ворвался стажер Мартышкин – штаны измяты, в руке лопата.

– А-а! Вот и наш сотрудник! – непритворно обрадовался Соловец, мечтающий побыстрее выпроводить посетителя. – Познакомьтесь! Младший лейтенант Мартышкин. Сысой... как тебя по батюшке?

– Бедросович, – гордо отвечивал запыхавшийся стажер.

– Человек пропал. Видимо, взят в заложники, – с места в карьер начал майор и добавил заговорщицким тоном. – А вот этот господин...

Но договорить Соловец не успел.

– Колись, сволочь! – Тщедушный младший лейтенант издал крик раненного в ягодицу молодого носорога, отшвырнул в сторону лопату и мертвой хваткой вцепился издателю в глотку. – Колись, а то хуже будет!

Генеральный директор тоненько взвизгнул, когда колено стажера надавило ему на низ живота, и засучил ногами.

Ошалевший Соловец не сразу, но все-таки вышел из ступора и с трудом отодрал разошедшегося стажера от начавшего уже синеть Трубецкого.

– Ты обалдел?! Это же не преступник! Это – заявитель! Василий... как его... Акакиевич! Василий Акакиевич! Вы живы?!

Издатель с трудом поднялся, вновь уселся на стул и покрутил головой.

– Воды?! – Майор поднес к дрожащим губами Трубецкого граненый стакан с мутной водой, на краю которого виднелись отпечатки губной помады. – Василий Акакиевич, не молчите!

– Я... – прохрипел белый как мел генеральный директор. – Я... Да я на вас... Да я в Европейский суд по правам человека... Да я министру...

– Это ошибка! – вскричал Соловец и схватил валявшуюся в углу дубинку. – Не держите на нас зла! Сейчас я все исправлю! – Он двинулся на барахтавшегося среди перевернутых стульев Мартышкина и замахнулся. – Смотрите!

Первый удар «демократизатора» пришелся Сысою по спине.

Стажер охнул и повернулся лицом к напавшему с тыла противнику.

– Видите?! – орал Соловец, молодецки размахивая дубинкой и демонстративно обрабатывая вяло отбрыкивающегося стажера. – Видите?! Сейчас я ему устрою! А теперь – по харе, по харе!..

Полуоглушенный Сысой забрался под стол, а Трубецкой в ужасе закрыл глаза.

Потный и тяжело дышащий Соловец оперся рукой о столешницу и положил дубинку рядом с плакатами, извещавшими о новом «блокбастере» издательства «Фагот».

– Ну вот, – майор одним махом опрокинул в себя стакан с водой, – думаю, инцидент исчерпан... Давайте вернемся к вопросу о пропавшем авторе... Василий Акакиевич, так как его зовут?

* * *

– Такого, Андрюха, просто не может быть, – очередной раз пытался убедить товарища Дукалис. – Понимаю еще, если бы чекисты телепортацию изобрели и втихаря сношались... я, естественно, имею в виду внешние сношения, ну, международные, а не те, о которых постоянно треплется Казанова... Но машина времени – это уж слишком!

– Слишком – не слишком, а выбираться отсюда все равно надо. Это – во-первых... Во-вторых, в любом случае соваться к официальным властям нельзя – в клетку забьют стопроцентно, – начал рассуждать Ларин. – Конечно, поймай мы этого Мориарти, можно было бы и к местным бобби сунуться. Победителей, как говорится, не судят. Но где мы его тут разыщем? А нам он нужен как воздух – этот урод явно должен знать, как починить машину, чтобы обратно попасть...

– Точно, Андрюха, – подхватил Дукалис, – я знаю, что делать. Надо найти частного сыскаря, ну вроде местного Шерлока Холмса, с ним договорится проще. А заодно бомжа прихватить, может, сыскарь с ним общий язык легче найдет, чем мы... Я и так понимаю его через два слова на третье...

– О, мистер Холмс! – услышав знакомое слово, встрял в разговор Роб. – Это замечательный господин. Вы его друзья?

– Друзья, – быстро подтвердил Ларин. – Если он – сыщик. Давай-ка, проводи нас к нему.

– Мне нельзя отсюда уходить, – попытался было возразить Дьерк, но увидев выразительный взгляд Дукалиса, начал суетливо подниматься. – Конечно, это не очень далеко...

Прогулка по городу была удивительной: скудное освещение, полное отсутствие машин и светящихся реклам, две-три подозрительные личности в мятых котелках, торопливо прошмыгнувшие через дорогу подальше от путешественников.

Впрочем, проводник и не старался показать гостям все прелести города или помочь завести приятные знакомства. Более того, пару раз он менял направление движения, мотивируя это

тем, что можно натолкнуться на полицейских. Минут сорок проблуждав по узким и темным закоулкам, троица добралась до более-менее широкой и прямой улицы.

– Бейкер-стрит, – прокомментировал Роб. – Следующий дом как раз тот, который вам нужен.

– Слушай, Андрюха, – снова засомневался Дукалис, – тебе не кажется, что все это сильно смахивает на белую горячку? «Уехала навсегда. Твоя крыша»? Лондон, девятнадцатый век, Холмс!.. Помнится, я где-то читал, что никакого Холмса в природе не существовало...

– Вот сейчас это и выясним. – Ларин решительно дернул за шнурок, болтавшийся у входной двери дома с номером 221-Б.

Где-то в глубине раздалось звяканье, затем послышались шаркающие шаги и надтреснутый старушечий голос произнес из-за приоткрывшейся двери:

– Что вам угодно, господа?

– We need mister Holmes, mam²³. – Андрей старался быть максимально вежливым.

Дверь открылась чуть шире, и в щель просунулось остроносое личико под белым чепцом с выбивающимися из-под него желтоватыми седыми кудряшками.

– Боюсь, джентльмены, что мистер Холмс отдыхает, – вздохнула старушка. – Вероятно, он будет рад вас увидеть завтра утром.

Старушка попыталась было закрыть дверь, но Ларин успел поставить в щель ногу, обутую в нечищенный ботинок.

– Полиция, миссис... извините, запомятовал ваше имя... о, миссис Хадсон! Да, виноват, но у нас, правда, срочное дело к мистеру Холмсу...

Дукалис утвердительно закивал головой.

Слово «полиция» возымело действие, и путешественники были удостоены чести войти в помещение. Воспользовавшись потерей бдительности гостей, Роберт Дьерк сначала осторожно отступил на пару шагов назад, затем попросту задал стрелка. Дукалис хотел было рвануть следом, но был остановлен товарищем.

– Сейчас мы его все равно не поймаем, а дело он свое уже сделал, – резонно заметил Ларин.

Откуда-то сверху, из глубины дома, доносилась довольно странная мелодия. Казалось, кто-то водит металлической пилой по стеклу. Андрей, которого мама в детстве безуспешно пыталась обучить музыке, непроизвольно поморщился, словно у него разболелись зубы.

– Я же предупреждала вас, господа, что мистера Холмса лучше было побеспокоить завтра...

Но друзья уже устремились наверх.

* * *

– Итак, как же его зовут? – участливо поинтересовался Соловец, наливая частично пришедшему в себя Трубецкому чаю.

В кабинете ничто не напоминало о случившемся четверть часа назад конфузе. Разве что у заявителя был помятый и испуганный вид, да чинно восседавший возле стены Мартышкин зажимал нос большим клоком гигроскопической ваты.

Тихо бормотал радиоприемник «Vites», позаимствованный из хранилища арестованного имущества, над вскипевшим чайником поднимался парок, все бумаги на столе были аккуратно сложены, опрокинутые стулья расставлены в обычном порядке, дубинка отправлена в угол, пальто генерального директора издательства «Фагот» вычищено и повешено на заменяющий

²³ Нам нужен мистер Холмс, мам (англ.).

вешалку гвоздь, кожаная папочка с золотым вензелем положена на тумбочку рядом с засохшим фикусом в треснувшем горшке.

– Мне бы еще вспомнить! – фыркнул издатель, опасливо скосив глаза на Мартышкина. – Особенно после всего произошедшего...

– Это немного осложняет процесс поисков, – вернувшийся в свое кресло майор горестно покачал маленькой и сплюснутой с боков головой. – А узнать как-то можно?

– Позвоните моему секретарю, – промямлил Трубецкой. – Она должна знать.

– А эти, – Соловец придвинул к себе рекламные плакаты, – Чушков и... Беркасов... не имеют ли они отношения к исчезновению вашего уважаемого автора?

– Это, я думаю, вы должны выяснять... – осторожно намекнул Василий Акакиевич.

– Если они авторы боевиков или детективов, – встрял очухавшийся Мартышкин, – то у них может быть опыт.

– Да-да-да, – согласился начальник «убойного» отдела. – Они детективы пишут?

– Я-то откуда знаю? – Лицо Трубецкого приобрело напряженное и слегка грустное выражение. – Я книги издаю, мне читать некогда.

– Совершенно с вами согласен, Василий Акакиевич, – поспешно отреагировал Соловец. – Если всё читать, никакой жизни не хватит... А эти? – Майор осторожно ткнул пальцем в плакаты, извещающие о выходе книг про приключения «Народного Целителя». – Может быть, вы краем уха слышали о том, что в них написано?

– Мне докладывали, – надулся генеральный директор.

– И о чем они? – через минуту молчания осведомился Соловец.

Трубецкой наморщил лоб и попытался вспомнить, что же ему докладывали.

Но не смог.

Будучи последним бастионом издательства на пути рвущихся в высокую литературу графоманов, генеральный директор выслушивал по два десятка докладов в день и просто физически не мог помнить их все.

– Это... В общем, про воров в законе, – наконец нашелся издатель, с трудом одолевающий перед сном рассказик на полстранички в любимых им эротических журналах, заменивших перегруженному работой Василию Акакиевичу личную жизнь. – Сильная вещь...

– Вот! – опять встрял младший лейтенант. – Чушков и Беркасов сговорились со знакомыми ворами и похитили автора. Чтобы самим писать продолжение этих бестселлеров... И зарабатывать миллионы. Или, даже, десятки миллионов... Или сотни... Или миллиарды...

Трубецкой напустил на себя горестный вид и мелко затряс головой, изображая полное согласие со словами стажера.

– Да! Вероятно, так всё и произошло... Беркасову, например, я никогда не доверял. Он, знаете ли, скользкий такой типчик. Да и Чушков не лучше...

– Ну, Василий Акакиевич, тогда можно считать, что дело почти раскрыто, – заявил Соловец. – Осталось путем наружного наблюдения за этими двумя субъектами выяснить, где они держат заложника...

Дотоле тихо бубнивший приемник произвольно увеличил громкость, и бодрый голос диктора популярнейшей радиостанции «Азия-минус» радостно произнес:

– А вы меняете пять пачек обычного порошка на один грамм необычного?

Вопрос застал Трубецкого врасплох, и он глубоко задумался.

Из состояния прострации генерального директора вывел хозяин кабинета, предложивший не откладывая приступить к осуществлению операции «Слежка», для чего Мартышкину вместе с издателем следовало отправиться к последнему в офис, взять у секретаря адреса Чушкова и Беркасова и начать их «выпасать».

– Да-да, – промолвил Трубецкой и выразительно посмотрел на стажера. – Пусть приступает...

Дверь в кабинет резко открылась, и на пороге возник капитан Казанцев.
Лицо Казанова было напряжено:
– Георгич, у нас труп...

* * *

– Чем могу быть полезен, джентльмены? – бережно откладывая скрипку, осведомился у гостей высокий худощавый мужчина в шелковом халате. – Вам известно, что мои гонорары достаточно высоки, да и заказов я сейчас не беру?

– Но вы же сыщик? – успел спросить Ларин, прежде чем из соседней комнаты послышалось какое-то утробное рычание. – А мы из полиции.

– При чем здесь полиция? – переспросил хозяин. – У меня все в порядке, а там, – он махнул рукой на закрытую дверь, из-за которой снова послышалось рычание, – там отдыхает мой друг и коллега, доктор Джон Уотсон. Правда, он мучается похмельем и немного мешает мне играть... А вы ведь не из Скотленд-Ярда. Хотя физиономии у вас, точно, полицейские...

Друзья попытались объяснить, что им необходимо срочно разыскать некоего господина, имеющего имя или кличку Мориарти. Но сыщик лишь замахал руками, заявив, что даже и не подумает браться за такое дело.

– Во-первых, джентльмены, это будет очень дорого стоить, а денег, как я понимаю, у вас мало. Во-вторых, вы, кажется, не представляете, в какую авантюру пытаетесь меня втянуть. Люди вы приезжие, так что можете не знать наших реалий, а лондонцам они, к сожалению, хорошо известны. Впрочем, послушайте...

По словам Холмса выходило, что столицу крепко держит в руках некая девонширская преступная группировка, получившая свое название потому, что ее основатели родились не далее чем в паре сотен миль от этого города. Лидером же девонширских братков считается именно господин Мориарти. Шайка славится своей жестокостью и полным пренебрежением ко всем правилам, включая законы преступного мира. Так, некоторое время назад, девонширцы решили взять под контроль один из «блошинных» рынков, который прежде опекали «шотландские». Как это принято среди злоумышленников, сначала решили собраться на ланч за городом и там обсудить проблему. Но «девонширские» приехали не в трех кэбах, как это водится в таких случаях, а в десяти. Кроме того, вопреки традициям, они оказались вооружены.

Когда же «шотландские» попытались объяснить, что рыночная торговля – их бизнес, шайка Мориарти просто перестреляла всех конкурентов, получив за это прозвище «фризеры»...

– Я бы перевел это как отморозки, – более образованный Ларин подсказал значение слова задумчивому Дукалису.

– Точно, отморозки, Андрюха. – Дукалис нахмурился. – Быкуют не по понятиям. Мочат друг друга без разбора...

– Поэтому, господа, помочь вам ничем не смогу. – Холмс поднялся, демонстрируя, что разговор окончен. – Желаю удачи.

В этот момент внизу послышался настойчивый звонок, зашаркали шаги миссис Хадсон.

– Иду-иду! Перестаньте же трезвонить на весь дом!

Затем раздались грохот, будто в дверь со всей силы пнули ногой, испуганный писк старушки, топот сапог по лестнице, и вот уже в комнату ворвался посетитель, внешним видом напоминающий разъяренного орангутанга.

– Кто здесь Холмс?! – прямо с порога заорал он и, угадав в сыщике искомого субъекта, ткнул в его сторону толстым волосатым пальцем, более напоминающим баварскую сардельку. – Ты!.. Если ты будешь совать свой длинный нос в мои дела... Я... я тебе отверну голову!..

– Простите, сэр, – ответил Холмс, на всякий случай отступая за кресло с высокой спинкой, – мы, кажется, незнакомы... С кем имею честь?..

– Ни хрена ты не имеешь, придурок! – взревел гость. – А я тебя иметь буду, чтобы ты не переходил дорогу дядюшке Ройлотту!.. Ты, педофил недоделанный! Попробуй-ка, еще раз пристань к моей племяннице! Я тебя тогда... – Страшно вращая глазами, Ройлотт подскочил к камину и, схватив оттуда кочергу, начал связывать ее в узел. – Я тебя тогда, полицей паршивый, точно так же узлом завяжу.

Холмс испуганно начал опускаться за кресло.

Слово «полицей», а точнее «бобби», понял даже туго соображающий по-английски Дукалис. Переводить же эпитеты он не считал нужным: интонация и действия непрошеного гостя говорили сами за себя.

– Эй, камрад, – оперативник шагнул к Ройлотту, – положи-ка железку, пока из тебя «ласточку»²⁴ не сделали...

Громила из всего сказанного Дукалисом, кроме фамильярного «камрад», ничего не понял, но, почувствовав угрозу, грузно повернулся всей тушей к оперативнику.

– Это что еще за придурок?! – рыкнул Ройлотт, замахиваясь кочергой на Дукалиса.

Наверное, в Великобритании в конце прошлого века лишь избранные имели хотя бы отдаленное представление о термине «рессора от «тойоты»». Во всяком случае, когда дебошир очнулся лежащим на полу, он мог лишь тупо косить глазами по сторонам, вопрошая: «What's the matter with me?»²⁵.

Ларин, перед тем душевно разбив стул об голову хулигана, лишь сокрушенно разводил руками и пытался объяснить сыщику, что действовал исключительно в пределах необходимой обороны, а не имел намерения причинить вред имуществу мистера Холмса. Что же касается Дукалиса, то он лишь удовлетворенно хмыкал, любуясь кочергой, которой были аккуратно связаны руки Ройлотта.

– Что это, Андрюха, за криминальная столица такая? – не переставал удивляться Дукалис. – «Шотландские», «девоширские», теперь вот этот обнаглевший вконец бычара...

– Yes, they're, – поддакнул Холмс, услышав в чужом языке знакомые слова. – Я же говорил, что преступники совсем обнаглели. Впрочем, джентльмены, вы мне нравитесь, и я, будь что будет, наверное, помогу вам. Не затруднит ли вас вывести мистера Ройлотта на улицу... я потом объясню суть его наглых претензий... и немного выпить за знакомство?

– Да-да, выпить – это хорошо! – послышался новый голос, и друзья увидели, как из соседней комнаты высунулась всклокоченная голова с отпечатком тростниковой циновки на щеке.

– А, вот и наш Уотсон проспался! – прокомментировал это явление Холмс.

– Джентльмены, – продолжал доктор, занимая место у стола и пододвигая к себе стакан, – мне только что пришла в голову гениальная идея: я обязательно опишу победу мистера Холмса над негодяем Ройлоттом... Рассказ будет называться... ну, скажем, «Пестрая лента». – Он замолк, нашел на столе забытую кем-то из посетительниц цветастую подвязку от чулка и забросил ее в дальний угол.

– О, Боже! – вскричал великий сыщик. – Умоляю вас, Уотсон, бросьте вы свои графоманские замашки, а то опять все перепутаете, как обычно!

Но доктор в ответ справедливо возразил, что в «паблик рилейшенз» важны не действия, а конечный результат.

²⁴ «Ласточка» – специфический и весьма неодобряемый прокуратурой способ связывания задержанных, при котором заведенные за спину руки за запястья соединяются с лодыжками.

²⁵ Что со мной? (англ.).

– Победителей не судят, – цинично заметил он, – главное, что пипл²⁶ хакает. Посмотрите, я из вас чуть ли не национального героя сделал, а вы опять за свое... Да будь у того же Лейстрейда пресс-секретарь, хоть чуть-чуть напоминающий меня, – инспектор давно бы в палате пэров заседал или, на худой конец, возглавил бы Министерство внутренних дел...

- Да будь у Лейстрейда такой пресс-секретарь, – парировал Холмс, – бедняга уже давно бы спился или отправился в психиатрическую клинику...

²⁶ От англ. «people» – народ.

Глава 3

МЕТОД ДЕДУКЦИИ

Вообще-то история с Ройлоттом оказалась достаточно банальной: к сыщику намеренно обратилась Ройлоттова племянница, сообщившая о своих сомнениях по поводу смерти сестры. Холмс обещал разобраться с этой историей и потому не хотел впутывать полицию.

– Надо только не забыть рассказать Уотсону все подробности сегодняшнего визита, – спохватился великий сыщик, когда его летописец отлучился из комнаты, чтобы умыться и причесаться. – Доктор верно заметил, что делает мне рекламу и отвечает за паблик рилейшенз. Так сказать, на условиях бартера. Врет, конечно, но врет красиво. Рекомендую поговорить с ним – заслушаетесь. Впрочем, – поправился Холмс, – про меня он пишет все точно. Только свои подвиги приукрашивает. Но все писатели такие. А пипл наш любит экшн. Бестселлер без мордобоя, крови и трупов ни за что не купят. Так что о Ройлотте я непременно Уотсону расскажу.

Друзья были вполне довольны тем, что Холмс решил не впутывать полицию в историю с дебоширом.

– Я сам выведу этого негодяя на чистую воду, – заявил великий сыщик, – у меня есть один испытанный метод. Он не раз помогал мне успешно раскрывать самые запутанные преступления. Не знаю, как у вас, в Америке... т-с-с!.. Я никому не проговорюсь, что догадался, откуда вы, джентльмены! А в Лондоне полиция постоянно пользуется услугами частных детективов... Ну-ка, попробуйте быстро определить, кем работает во-он тот господин...

И Холмс, ткнув пальцем в окно, указал на человека с огромными бакенбардами.

Штаны этого обитателя туманного Альбиона были украшены широкими золотыми лампасами, китель поблескивал начищенными металлическими пуговицами. А на согнутой руке прохожего висел длинный коричневый плащ.

– Вы, конечно, думаете, что это какой-нибудь генерал, – продолжал развивать свою мысль великий сыщик, горделиво посматривая на гостей. – Ничего подобного! Вы ошиблись. Это – обычный швейцар: генералы не носят в руках гражданской одежды – это удел их денщиков. Кроме того, военные предпочитают украшать свои мужественные лица усами, а не бакенбардами... Ну, господа, каково? Думаю, добавить к сказанному вам нечего...

– Почему же? – обиделся Дукалис. – Болтать – не мешки ворочать... Рот закрыл – рабочее место убрано. Могу и дополнить. Этот человек, думаю, вор. А форму напялил для маскировки.

– С чего вы это взяли, мистер Дюк? – поинтересовался сыщик. – Приведите хотя бы один аргумент.

– А посмотрите, висит ли внизу ваше пальто, Шерлок? – отозвался Дукалис. – Думаю, что именно его и уносит сейчас этот господин...

Холмс выплянул в окно, потом резво сбежал в прихожую, и тут же снизу раздался его возмущенный крик, который в более-менее приемлемом переводе на русский язык звучал бы как: «Убью падлу!» После этого хлопнула наружная дверь, и наши герои увидели долговязую фигуру великого сыщика, с проклятиями несущегося вдоль улицы за удаляющимся «швейцаром».

– Слушай, Толян, – удивился Ларин, – я что-то не до конца понял твою мысль. Ну, про вора еще куда ни шло: где это видано, чтобы швейцары в ливрее в двенадцатом часу ночи шлялись по улицам? Они же у себя в кабаках переодеваются. Да и местные рестораны в такое время, как утверждает доктор Уотсон, еще открыты. И вообще, порядочный мент должен знать:

честные люди в такую пору шмотки по улицам не таскают. Сколько «палок» мы срубили с помощью наших бдительных пэпээсников²⁷?..

Дукалис утвердительно кивнул.

– А вот каким образом ты сообразил, что пальтишко принадлежит Холмсу? Что-то я не въезжаю.

– Ничего я не соображал, – буркнул Анатолий. – Я просто так, прикололся, чтобы он не умничал. А такое же пальто, кажется, и правда у входа висело. Наверное, Уотсон, когда за выпивкой бегал, дверь запереть забыл...

– Ну, ты даешь! – только и смог вымолвить Андрей. – Голова!..

Минут через пятнадцать Холмс вернулся со слегка разбитым, но весьма довольным лицом.

– Видели бы вы, как я ему врезал! – хвалился он, трясая перед гостями спасенным пальто. – Хук слева, затем апперкот, а он мне, дескать, я генера-а-ал! Ну и получил от меня в ответ свинг правой! Блестяще!..

– А ваше лицо? – попытался выразить сочувствие Ларин.

– Пустяки! – отмахнулся великий сыщик. – Это он не захотел свой мундир отдавать в качестве компенсации за причиненный мне моральный ущерб. Но я ему все-таки задал трепку!..

Продолжая описывать подробности своего подвига, Холмс вновь спустился в прихожую, чтобы повесить пальто на место.

– Что за черт? – услышали друзья его голос.

Ларин осторожно высунул голову за резные перила лестницы, затем вопросительно взглянул на Дукалиса:

– Знаешь, Толя, боюсь, тебе придется придумать какое-нибудь другое обоснование на тему: «Почему я решил, что пальто принадлежит Холмсу». – И в ответ на недоуменный взгляд товарища добавил: – Видишь ли, теперь там, внизу, не одно пальто, а *два*...

Еще через полчаса под окнами квартиры Холмса слышались какие-то крики и грохот.

– Эй ты, подлый трус, выходи! – доносилось до ушей наших оперативников довольно стройное скандирование.

– Мистер Холмс, мистер Холмс, – раздался снизу надтреснутый голосок миссис Хадсон, – к вам тут пришли...

– Сам вижу, что пришли, – огрызнулся сыщик, выглядывая в окно, под которым бушевал как минимум взвод решительно настроенных солдат.

Чуть позади этой команды, закрывая подбитый глаз белым платком, маячила фигура господина с большими бакенбардами. Господин был одет в рваную белую рубашку и форменные штаны, на которых посверкивали широкие лампасы.

Тем временем с обеих сторон улицы к дому стройными рядами подбежали еще несколько десятков военных. Они начали криками поддерживать своих товарищей, но в остальном вели себя мирно, во всяком случае двери высадить пока не пытались. Возможно, поджидали, когда подтянутся главные силы.

– Под-лый трус, вы-хо-ди! – молодежато неслось из-под окон.

– Р-ре-б-б-ята, – заикаясь, прошептал сыщик, глядя из глубины комнаты на окно, которое вот-вот могло разлететься вдребезги от брошенного кем-нибудь булыжника. – Д-давайте жить дружно...

– Сейчас точно замочат, – констатировал Дукалис. – Что делать-то будем?

– Не волнуйтесь, джентльмены. Гарантирую, что первая медицинская помощь вам будет оказана квалифицированно, – произнес доктор Уотсон, благоразумно забившийся под диван.

²⁷ Речь идет об обыкновенных милиционерах (проф. сленг). ППС – патрульно-постовая служба.

Андрей, закусив губу и нахмурившись, быстро огляделся по сторонам.

– Ждите. Есть идея! – крикнул он, быстро сбежал вниз и захохотал какой-то кухонной утварью, в предостаточном количестве имевшейся у миссис Хадсон.

Через некоторое время перед глазами изумленных пикетчиков предстал боевой офицер, одетый в странную униформу. Он решительно шагнул на улицу из осажденного дома.

– Хальт! Шат ап! Ху из зе мэйджэ офисииз? Ком ин, квикли²⁸! – грозно рыкнул он на толпу, из которой тут же выступил вперед военный, выделявшийся своей огненно-рыжей шевелюрой.

– Я – капитан О`Хара, – представился он. – С кем имею честь?

– Кэптиин Ларин, спешал труупс, – приложив руку к краю надетого на голову медного тазика для варки варенья, позаимствованного у миссис Хадсон, немедленно отозвался Андрей. – Уот кэн ай ду фо ю?

Последующие несколько минут О`Хара пытался объяснить Ларину, что какой-то негодяй недавно напал на их боевого генерала, отобрал форменный мундир и пальто. Теперь же товарищи по оружию готовятся взять штурмом дом, чтобы наказать обидчика.

Андрей, нетерпеливо постукивая пальцами по пиджаку, под которым был спрятан поднос, призванный изображать бронезилет, внимательно слушал и кивал головой. Потом он доверительно взял капитана под руку и отвел его на несколько шагов в сторону от любопытной толпы.

– Послушайте, коллега, – громким шепотом начал Ларин, – Родина гордится вами. Именно так должен был поступить каждый порядочный офицер. Я обязательно доложу Ее Величеству о вашем подвиге. Но сейчас следует немедленно отвести войска на исходный рубеж, иначе сорвется секретная операция по разоблачению вражеского диверсанта. Мы контролируем ситуацию...

О`Хара, слушая Ларина, начал было сомневаться, заявив, что ничего не слышал о спецназе и не видел в королевских войсках формы, подобной той, в которую одет коллега.

– Конечно, – охотно подтвердил Андрей, – ведь это очень секретные войска. А форма специально придумана так, чтобы издали не бросалась в глаза, но надежно защищала от рыцарей «плаща и кинжала». – Он подергал за лацкан пиджак и постучал согнутым пальцем по подносу, демонстрируя надежность брони.

– А ваш акцент... – продолжал сомневаться О`Хара. – Вы откуда?

– Да, вы правы, в Ирландии такой не часто услышишь, – выкрутился Ларин. – К сожалению, работа на благо английской короны в различных точках земного шара оставляет свой отпечаток. Впрочем – т-с-с! – об этом ни слова. Попросите-ка лучше командировать вас куда-нибудь. Например, в Россию. Для общего развития... А пока подождите. Если негодяй, которого мы собираемся задержать, уже уснул, я попытаюсь вынести вам пальто и мундир генерала. А то потом – всякие протоколы, опознания, бумаги... В общем, набегается старик по канцеляриям... А про вас я не забуду – нам нужны настоящие офицеры.

– У вас, конечно, есть соответствующие документы? – осведомился капитан.

Ларин вытащил из нагрудного кармана пиджака лотерейный билет с изображением сигаретной пачки. О`Хара успел прочитать грозное имя герцога Мальборо, прежде чем «кэптэн Ларин» сунул билет обратно в карман, явно передумав удовлетворять праздное любопытство ирландца.

– Простите, сэра, – оперативник брезгливо поджал губы, – я всегда полагал, что в Великобритании джентльменам верят на слово... Если бы не ваше благородное поведение, то я бы вынужден был бросить вам перчатку...

²⁸ Стоять! (англ., воен.) Заткнитесь! Кто здесь старший офицер? Быстро ко мне! (типа русский перевод с, типа, английского.)

– Нет-нет, – запротестовал О`Хара, – вы не так меня поняли. Я-то, конечно, знаю, что сэр Мальборо и помогающие ему джентльмены решают важные государственные проблемы... Я только поинтересовался, нельзя ли показать какую-нибудь бумагу моим солдатам?..

– Увы, нельзя, – Андрей сменил гнев на милость. – Ит`с топ сикрет. А ю андестендид ми²⁹?.. Идите, друг мой, вас ждут великие дела.

И покровительственно похлопал военного по плечу.

Пока ирландец предавался мечтам о грядущем росте карьеры, Андрей быстро забежал в дом, схватил там злополучные пальто и мундир и быстро вернулся на улицу. После чего торжественно передал вещи О`Харе, козырнул ему («Ведите свои войска, *майор*, операция по задержанию не должна сорваться!») и, круто повернувшись на каблуках, скрылся в доме...

Глядя через щелку между окном и занавеской осажденные видели, как О`Хара сначала о чем-то доложил господину с большими бакенбардами, тот, приняв мундир, махнул рукой, после чего солдаты начали строиться в походную колонну, и вскоре их шаги, удаляясь, загрохотали по Бейкер-стрит.

– Куда ты их отправил? – осведомился Дукалис и тут же получил лаконичный ответ:

– Казань брать...

²⁹ Это главный секрет. Вы поняли меня? (Тоже типа перевод с английского.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.